

На правах рукописи

Панькова Екатерина Сергеевна

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМЫ
РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2012

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики преподавания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Балалыкина Эмилия Агафоновна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Абдулхакова Ляйсэн Равилевна

кандидат филологических наук, доцент
Замалютдинова Эльмира Рафаилевна

Ведущая организация – Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Защита состоится 26 апреля 2012 г. в 10:00 на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: г. Казань, ул. Татарстан, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Автореферат разослан «___» марта 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент



Т.Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

При изучении имени существительного особого внимания заслуживает грамматическая вариантность, ярко представленная в русском субстантивном словоизменении. При этом на фоне всей парадигмы необходимо выделить родительный падеж множественного числа (род. мн.), поскольку активный процесс конкуренции вариантов, частотность употребления и разветвленная система значений придают ему статус особой формы. Образование форм род. мн. существительных часто вызывает затруднения: «Русский человек, даже вполне грамотный, иногда становится в тупик, когда дело доходит до образования формы родительного падежа множественного числа некоторых существительных», – пишет Б.Н. Головин [Как говорить правильно. Заметки о культуре речи. М., 1988. С. 48].

В современном русском языке в форме род. мн. существительных всех типов склонения выступают три синонимичные флексии: *-ов (-ев, -ёв)*, *-ей* и нулевая флексия. Их распределение и функционирование регулируется морфонологическими, морфологическими, лексическими и словообразовательными факторами. Общее правило заключается в том, что форму род. мн. с нулевым окончанием образуют существительные, имеющие в именительном падеже единственного числа (им. ед.) материально выраженную флексию (*озер < озеро, пустынь < пустыня*), форму род. мн. с флексиями *-ов, -ей* имеют существительные с нулевым окончанием в им. ед. (*столов < стол*). В соответствии с этой закономерностью существительные мужского рода имеют, как правило, окончание *-ов*, существительные среднего и женского рода – нулевое окончание. Однако эта морфологическая закономерность имеет ряд исключений, которые могут быть определены как нестандартные формы род. мн.: 1) существительные мужского рода, образующие род. мн. с *нулевой флексией* (*сапог > сапог*); 2) слова среднего рода, образующие указанную форму с окончанием *-ов/-ев* (*платье > платьев*); 3) существительные женского рода, образующие род. мн. с помощью флексии *-ей* (*свеча > свечей*).

Следует отметить, что в системе современного русского литературного языка невозможно образование формы род. мн. с окончанием *-ов (-ев)* от существительных женского рода (*-ов* – примета «неженского» морфологического рода). Такие формы отмечаются лишь за пределами литературной нормы в диалектной или нарочито неправильной речи носителей литературного языка. Употребление нулевой флексии в интересующем нас падеже не определяется родовой отнесенностью существительного и качеством конечного согласного основы. Эта флексия возможна как вариантная к окончаниям *-ов* или *-ей*, тесно связанным с фонетическим обликом слова. Соотношение нулевого окончания с каждой из этих флексий регулируется своими закономерностями.

В современном русском языке варианты и нестандартные окончания (*-Ø* и *-ов / -ев*, *-Ø* и *-ей*) в формах род. мн. характерны для существительных

определенного фонетического облика и словообразовательной структуры: 1) это имена мужского рода с основой на твердый согласный, связанные с понятиями парности или множества (*буряты* > *бурят* – *бурятов*, *гардемарины* > *гардемарин* – *гардемаринов*, *носки* > *носок* – *носков*, *баклажаны* > *баклажанов* – допустимое *баклажан*, *грамм* > *граммов* – в конструкциях с количественным значением род. мн. *грамм*), а также существительные группы *pluralia tantum* (*будни* > *будней* – допустимое *буден*); 2) существительные среднего рода определенной словообразовательной структуры, оканчивающиеся в им. ед. на *-ье* или *-це* (*верховье* > *верховьев* – *верховий*, *кружевце* > *кружевцев* – *кружевец*); 3) существительные женского рода с основой на мягкий согласный или шипящий (*простыня* > *простынь* – *простыней*).

Взаимодействие морфологических явлений с лексико-семантическими в процессе возникновения и функциональной дифференциации синонимичных форм словоизменения отчетливо обнаруживается в истории род. мн. имен существительных. Именно в формах род. мн. наблюдается наибольшее количество грамматических противоречий и своеобразных «грамматических тупиков» (термин Э.А. Балалыкиной), что часто объясняется факторами лексико-семантического характера.

Без многоаспектного изучения вариантных падежных форм имен существительных невозможно полное описание русского склонения. В условиях современной языковой ситуации особое значение имеет определение общих тенденций развития системы склонения существительных, дифференциация вариантных форм и отклонений от существующей литературной нормы, потому функциональный анализ в нашем исследовании направлен на установление узальных (стилистических, сочетаемых, позиционных) особенностей вариантов форм родительного падежа множественного числа существительных.

Актуальность исследования определяется обращением к спорным и сложным проблемам современной морфологии и, прежде всего, словоизменения. Изучение словоизменительных вариантов имеет большое значение для определения тенденций в развитии как общей системы именного склонения, так и отдельных форм. Несмотря на давний и устойчивый интерес к системе субстантивного словоизменения и проблеме флективной вариантности, в лингвистической литературе нет специальных работ, посвященных функциональным особенностям употребления вариантных форм родительного падежа множественного числа.

Объектом исследования являются особенности функционирования формы род. мн. в текстах разной стилистической и жанровой направленности.

Предметом исследования выступают вариантные формы род. мн. существительных мужского, женского и среднего рода в определенный исторический период развития русского языка, и прежде всего в современном русском языке; по мере необходимости привлекаются данные и более

раннего периода (XVIII – XIX вв.), так как указанное варьирование является результатом длительного развития системы именного склонения.

Материалом исследования послужили произведения художественной литературы, публицистические и научные тексты, журнальные и газетные публикации, частная переписка, дневники, документы и др., нашедшие отражение в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ): <http://www.ruscorpota.ru>. При определении состава лексем, варьирующихся в форме род. мн., тщательному анализу подвергнуты данные словарей русского языка различных типов – толковых, грамматических, орфографических, фразеологических, словарей иностранных слов и т.д. В работе также использованы данные нормативных грамматик русского языка и учебных пособий по морфологии.

Цель данной работы – дать комплексное грамматическое и функционально-динамическое описание нестандартных и вариантных форм родительного падежа множественного числа существительных в современном русском языке, выявить причины указанной вариативности.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда конкретных исследовательских **задач**:

1) проанализировать и обобщить накопленный лингвистической наукой опыт изучения вариантности форм род. мн. существительных;

2) определить состав лексем, образующих нестандартные или вариативные формы род. мн.;

3) определить лексико-семантические, структурные, морфологические и морфонологические признаки имен существительных, характеризующихся наличием нестандартных или вариантных форм род. мн.;

4) рассмотреть характер лексико-грамматического взаимодействия отдельных лексем, демонстрирующих вариантность род. мн.;

5) проследить употребление вариантных форм род. мн. существительных в текстах разных стилей и жанров;

6) выявить индивидуальные особенности функционирования исследуемой формы в современном русском языке;

7) определить факторы, влияющие на употребление вариантных форм род. мн. существительных.

Методологическая база исследования. Поставленные в работе цели и задачи определили необходимость использования комплексной методики исследования. В ходе работы применялись описательный метод, приемы квантитативного (статистического) метода, функционально-динамического описания вариантных форм, структурно-сопоставительный анализ вариантов (выявление внутрисистемных причин варьирования, установления коммуникативных преимуществ продуктивного варианта). В нашей работе мы опираемся на методику, предложенную К.С. Горбачевичем: «Вариантность как историческая категория не может изучаться путем выяснения чисто статистических отношений между языковыми единицами. Поэтому основным методом исследования (под методом здесь понимается и

аспект изучения, и совокупность исследовательских приемов) служит функционально-динамическое описание вариантных пар. Термин «функциональное» предполагает рассмотрение вариантных пар в контексте, в дистрибутивных и стилистически разнородных условиях. Под термином «динамическое» подразумевается анализ вариантов не строго в синхронной плоскости, а с учетом ретроспективы и перспективы данной языковой единицы» [Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка. Л., 1978. С. 5].

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы, посвященные изучению различных аспектов грамматической вариантности. Из специальных работ, посвященных формам род. мн., известны статьи Л.К. Граудиной, В.Л. Воронцовой, Н.А. Еськова. В работах Л.К. Граудиной главным образом рассматривается динамика распределения флексий *-ов* и *Ø* в род. мн. в языке середины XX века. Социологическому аспекту соотношения флексий *-ов* и *-Ø* посвящена статья В.Л. Воронцовой [Сб. Социально-лингвистические исследования. М., 1976. С. 129-144]. Н.А. Еськова сосредоточивает внимание на морфологических и морфонологических соотношениях между флексиями род. мн. [Сб. Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. С. 170-177]. В диссертации «Вариантные формы родительного падежа единственного и множественного числа существительных в современном русском языке» М.А. Лапыгина большее внимание уделяется формам родительного падежа единственного числа [Дисс. к.ф.н., Елец, 2002]. Кроме того, сложность образования род. мн. затрагивается в общих трудах по современному русскому литературному языку. Проблему вариантности формы родительного падежа множественного числа существительных отмечают авторы в работах по стилистике и культуре речи.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) В состав лексем, представляющих вариантность род. мн., входят имена: мужского рода с основой на твердый согласный, связанные с понятиями парности или множества, среднего рода определенной словообразовательной структуры, женского рода с основой на мягкий согласный или шипящий.

2) К числу факторов, влияющих на употребление вариантных форм род. мн., необходимо отнести следующие: фонетическое оформление слова, своеобразие семантики отдельных лексем, синтаксическое словоупотребление.

3) Лексико-грамматическое взаимодействие исследуемых форм связано с содержанием слов, относящихся к определенным лексико-тематическим группам, и их грамматическим оформлением.

4) В художественных, публицистических и научных текстах степень вариантности форм род. мн. представлена по-разному, что обусловлено взаимодействием языковых и речевых норм в современном русском языке.

5) Форму род. мн. необходимо отнести к числу особых падежных форм, выделенных на фоне всей парадигмы словоизменения и формирующих в целом ряде случаев как дефектность, так и избыточность этой парадигмы.

6) К числу основных тенденций в развитии функционирования форм род. мн. необходимо отнести стремление к закреплению той или иной флексии в зависимости от родовой принадлежности, семантики и степени употребительности лексем.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертационной работе впервые дается полная системная характеристика нестандартных и вариантных форм родительного падежа множественного числа существительных, а также определяются причины затруднений или невозможности образования данной формы в современном русском языке.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации имеющегося лингвистического материала по теме исследования, в комплексном многоаспектном описании нестандартных и вариантных форм род. мн. в русском языке новейшего периода (на рубеже XX – начале XXI вв.) с привлечением исторического комментария, необходимого для определения общих тенденций в развитии исследуемой формы.

Практическая значимость работы заключается в том, что многие положения диссертации могут быть использованы в вузовском преподавании – в общем курсе и спецкурсах по русской морфологии, при проведении практических занятий по культуре речи и стилистике. Результаты исследования актуальны для практики преподавания русского языка как иностранного. Материалы работы могут найти применение в лексикографии – при составлении словарей грамматических трудностей современного русского языка.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались:

1) на итоговых конференциях кафедры современного русского языка КГУ 2007-2010 гг.;

2) на международной конференции «Языковая семантика и образ мира» (Казань, 2008 г.);

3) на международной конференции «Филология и образование: современные концепции и технологии» (Казань, 2010 г.);

4) на международной конференции «Сопоставительная филология и полилингвизм» (Казань, 2010 г.).

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, перечня условных сокращений и приложения. В приложении в алфавитном порядке представлены существительные, образование формы род. мн. которых рассматривается в данном исследовании.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы и ее научная новизна, определяется объект исследования, формулируются цели и задачи работы, методы исследования, отмечается теоретическая и практическая значимость диссертации и указываются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Вариантность формы родительного падежа множественного числа в теоретическом, синхронном и диахронном аспектах» рассматривается история генитива *pluralis*, соотношение вариантности и языковой нормы, а также стилистические функции словоизменяемых вариантов в художественных текстах и языке СМИ.

Вариантность падежных форм была издревле свойственна системе русского именного склонения на протяжении всей истории развития литературного языка и потому традиционно пользуется вниманием лингвистов. Вариативность форм род. мн. в современном русском языке явилась следствием исторических преобразований в системе субстантивного словоизменения.

Материалы многочисленных работ, посвященных истории падежных форм в целом и генитива *pluralis* в частности, показывают, что причиной вариантности флексий *-ов* и \emptyset в существительных, относящихся к определенным лексико-тематическим группам, стало взаимодействие основных типов склонения существительных **ǫ-* и **ĭ-*основ. Одной из причин указанного взаимодействия явилось стремление ликвидировать межпадежную омонимию форм им. ед. и род. мн. существительных **ǫ-*основ. Процесс вытеснения окончания *-ъ* начинается с XI – XII вв. и усиливается к XIII – XIV вв. К концу древнерусского периода число нулевых форм род. мн. существительных мужского рода значительно сокращается. Форма род. мн. на \emptyset сохраняется в группе существительных, семантика которых связана с религиозно-церковной сферой, а в народно-разговорном языке окончание *-Ø* в род. мн. сохраняется в количественно-именных сочетаниях и группе наименований лица. В XVI – XVII вв. варианты *-ов/Ø* в форме род. мн. функционируют в кругу лексем, являющихся названиями парных предметов, денежных единиц и единиц меры и веса; лиц по социальному положению, национальному признаку, вероисповеданию, месту жительства и роду войск; а также лексем, часто употребляющихся с числительными. В течение XVIII – XIX веков ведущее положение род. мн. сохранялось за формой на *-ов* (*партизанов, сапогов, славянов, солдатов, чулков*), что же касается нулевых окончаний, то в конце XIX века форма с нулевым окончанием стала активно использоваться для названий единиц измерения. Конкуренция флексий \emptyset и *-ов* продолжала укрепляться и в языке XX века.

Основная причина варьирования форм род. мн. на *-ей* и \emptyset у существительных женского рода объясняется взаимодействием двух типов склонения существительных: **ja-*основ и **ĭ-*основ, при этом, в первом типе,

как известно, существительные имели нулевую флексию, во втором – окончание *-ей*. Сближение **ja-* и **ĭ-*основ также стимулировало наличие параллельных вариантов им. ед. (*басня / баснь*). Единичные дублетные формы на *-ei* (за исключением слов с основами на *-j* и *-ц*) появляются в языке начиная с середины старорусского периода. В русском языке XVIII – первой половины XIX вв. колебание в формах род. мн. распространялось на значительное количество слов женского рода и некоторые существительные мужского и общего рода с основой на мягкий согласный (преимущественно *-н, -л, -р*) или шипящий (*афишей, баней, басней, бурей, вельможей, встречей, грушей, депешей, дулей, дыней, калашей, клячей, кучей, милей, невежей, неделей, ношей, пашней, песней, петлей, потерей, притчей, просвирней, пулей, пустыней, рожей, роцлей, саблей, сечей, сплетней, твердыней, туфлей, тучей, тысячей, цаплей, чайшей, чащей* в соответствии современным нормативным формам с нулевым окончанием). Во второй половине XIX – начале XX вв. число форм на *-ей* в этом падеже сокращается.

Сосуществование параллельных способов выражения, имеющих одинаковое грамматическое значение в род. мн., является объективным следствием развития русского языка. Образование формы род. мн. показательно и в плане соотношения литературных и ненормативных (разговорных и др.) вариантов. Проблема упорядочения языковых норм особенно остро стоит в период динамичного развития языковой системы русского языка на рубеже XX – XXI вв. и, в частности, процесса демократизации литературного языка. Сложившийся в языкознании подход к норме как историческому развивающемуся социальному явлению обуславливает значимость проблемы нормализации современного литературного языка. Значительный вклад в теоретическое осмысление природы языковой нормы внесли В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, Н.Ю. Шведова, Г.В. Степанов. Изучение языковых вариантов в связи с разработкой проблем нормализации русского языка и анализа динамики литературной нормы получило развитие в работах Г.О. Винокура, В.И. Чернышева, С.П. Обнорского, С.И. Ожегова, В.А. Ицковича. Теоретические проблемы языковой вариативности разрабатываются в трудах К.С. Горбачевича, Р.П. Рогожниковой, В.Н. Немченко, В.М. Солнцева.

В современных лингвистических исследованиях используются два термина: вариантность и вариативность. Под вариативностью, как правило, понимают взаимозаменяемость равноправных литературных вариантов в пределах синхронного подхода. Понятие вариантности имеет более широкое значение и предполагает соположение неравноправных вариантов (литературный – нелитературный, старый – новый и т.п.) как в синхронном, так и в диахронном аспекте.

Колебание, отражающее сосуществование нормативных вариантов, может иметь две разновидности: наличие равноправных или неравноправных литературных вариантов. Во втором случае один из вариантов в словарях

снабжается пометой «допустимый» или «устаревающий». При колебании, отражающемся в существовании литературного и нелитературного вариантов, последний является отклонением от литературной нормы и снабжается пометой «разговорное».

Динамика языкового развития на рубеже XX – XXI вв. столь ощутима, что указанному процессу посвящается значительное количество современных лингвистических исследований. К подобным работам относятся: «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)» под ред. Е.А. Земской (2000), учебное пособие Н.С. Валгиной «Активные процессы в современном русском языке» (2001), монография «Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков» под редакцией Л.П. Крысина (2008), «Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении» В.Н. Шапошникова (2010).

В современной русистике наблюдается повышенный интерес к проблемам всестороннего изучения языка средств массовой информации, поскольку «данная сфера языка наиболее оперативно реагирует на новые явления в языке, в определенном смысле актуализирует их» [Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001. С. 5]. На рубеже XX – XXI вв. язык средств массовой информации становится основным источником нормативно-литературных стилистических вариантов в род. мн. Тексты СМИ, ориентированные на речевые навыки массового читателя, допускают проникновение продуктивных разговорных элементов в эту форму и отражают явления, получившие развитие в речи. Тем не менее, чрезвычайно важным остается изучение проблемы соотношения литературной нормы и языка художественной литературы, на что не раз обращали внимание многие лингвисты (В.В. Виноградов, Т.Г. Винокур, Л.И. Скворцов и др.).

Морфологические эстетические средства недостаточно изучены в современной лингвистической литературе, поскольку большинство исследователей, как правило, обращают внимание на выразительность лексических, словообразовательных или синтаксических единиц. Некоторые исследователи вообще отказывают морфологическим средствам в способности обладать эстетическими функциями [Тарасов Л.Ф. Поэтическая речь: (типологический аспект). Харьков, 1976].

Проблема эстетических возможностей грамматических средств рассматривались в трудах Л.В. Щербы, Р. Якобсона, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Д.Н. Шмелева, В.П. Григорьева, Ю.М. Лотмана, В.П. Ковалева, И.А. Ионовой, С.О. Цаленчук, В.В. Одинцова, Я.И. Гина и других лингвистов. Однако в современной русистике пока ещё не сложилась системная характеристика выразительных возможностей морфологических средств в художественном тексте. В частности, недостаточно изучен эстетический потенциал вариантных форм род. мн. существительных.

Стилистические особенности вариантных окончаний (нормативное – разговорное, просторечное) позволяют сообщать речевым характеристикам

героев специфический оттенок: «Но ты не бойся, *делов* в доме на всех хватает...» (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир, № 8-9, 2000). Стилиевая принадлежность формы наиболее выразительна, когда в тексте она чередуется со своим парным нормативным вариантом: «– Прописываю тебе *Spiritus vini* три раза в день по сто пятьдесят *грамм*. – Павел Алексеевич наливал точнехонько сто пятьдесят *граммов* в стакан и укладывал толстый кусок сала на грузный ломоть хлеба...» (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир, № 8-9, 2000). Л. Улицкая строго разграничивает словоизменительные варианты: в словах персонажа выбирает характерную для разговорной речи форму с нулевым окончанием (*грамм*), в авторском комментарии – нормативную для книжной речи форму с флексией *-ов* (*граммов*). Значительно сложнее стилистическая дифференциация подобных вариантных форм, когда обе выступают в словах автора. Как правило, примыкающие к речи персонажа слова автора более субъективны; авторская же речь, оторванная от диалогической, более объективна и соответствует литературным нормам.

В ряде случаев вариантные или потенциальные грамматические формы, противоречащие современной языковой норме, не только отличаются стилистической окраской, но и несут дополнительный эмоционально-экспрессивный оттенок: «Белосельцев издали углядел Прокурора, его дряблкое, как остывший кисель, лицо, маслянистые, как ягодки облепихи, глазки, белесую лысеющую голову, напоминающую кукурузный початок в путанице блеклых *волосьев*» (А. Проханов. Господин Гексоген, 2001). В данном тексте просторечная форма *волосьев* используется в словах автора, но не является приметой ни речи рассказчика, ни речи персонажа, а приобретает дополнительную экспрессивную функцию – выражает отрицательную оценку. По замечанию Е.Н. Ремчуковой, «у неправильной, но употребительной грамматической формы постепенно складывается свой ассоциативный потенциал, свои устойчивые стилистические коннотации – в отдельных случаях они приобретают характер речевых идиом» [Креативный потенциал русской грамматики: Морфологические ресурсы языка: дисс. д.ф.н. М, 2005].

В современной художественной литературе встречаются стилистически маркированные архаичные формы, характерные для поэтического языка XVIII – начала XIX вв.: *братий, крыл/крылий, камней, дерев*. Часто употребление подобных грамматических архаизмов мотивировано окружающим контекстом: «...он увидел бы огромную крылатую фигуру, окутанную золотисто-зеленым опереньем сложенных *крыл*. Ангел стоял, вытянув правую руку высоко над головами сидящих» (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона, 2004); «Я иду по звездно-елисейскому буераку среди хилых *дерев-гамлетов*, выбравших свое право «*быть!*» (Г. Щербак. Моление о Еве, 2000).

Использование разговорных форм в поэзии практически не отличается от их употребления в прозе. И в прозе, и в поэзии эти формы служат для

создания речевых характеристик персонажей, но в прозаических произведениях они включаются в монологическую речь или диалог, а в поэтических текстах нелитературные грамматические формы становятся средством речевой характеристики лирического героя произведения. Среди используемых в поэзии формообразовательных средств выразительности особую роль играют потенциальные возможности формообразования, заложенные в грамматической системе языка.

В художественной литературе раскрываются не только изобразительные, эстетические, но и собственно грамматические и стилистические возможности языка. Грамматические неправильности в художественном тексте эстетически оправданы и различны по своим функциям. Форма род. мн. представляется плацдармом для функционирования разнообразных стилистических вариантов.

Во второй главе «Лексико-грамматические и морфонологические условия образования форм родительного падежа множественного числа» исследуется функционирование форм род. мн. существительных определенных лексико-тематических групп, имен *pluralia tantum*, а также существительных с основой на мягкий согласный или шипящий. В главе уделяется особое внимание лексико-грамматическому взаимодействию в отдельных формах род. мн.

В современной русистике усиливается интерес к такой области науки о языке, как лексическая грамматика (по определению Казанской лингвистической школы «грамматическая лексикология»). В качестве рабочего мы принимаем термин «лексическая грамматика», так как в центре внимания нашего исследования, прежде всего, грамматическая категория – флективная вариантность, часто обусловленная действием лексических факторов.

Проблема взаимодействия лексики и грамматики затрагивается в работах В.В. Виноградова, Э.В. Кузнецовой, В.М. Маркова, А.Л. Шарандина, В.П. Даниленко, Э.А. Балалыкиной. Необходимо отметить, что в работах подобного типа, к сожалению, нет исчерпывающего описания характера связи между лексическими и грамматическими явлениями в современном русском субстантивном словоизменении, в частности в формах род. мн.

Лексическая грамматика оказывается закономерным этапом развития традиционной и функциональной грамматики и предполагает рассмотрение грамматических форм с особым вниманием к их лексической семантике. Основной задачей данного междисциплинарного уровня языкознания является определение роли лексических факторов в развитии морфологических категорий, а также причин избыточности или дефектности соответствующей парадигмы.

Особо необходимо выделить многочисленные существительные мужского рода с основой на твердый согласный определенных лексико-тематических групп: названий лиц по принадлежности к национальным, племенным, этническим группам и воинским соединениям; названий видов

пищи; названий предметов, состоящих из двух частей; названий единиц измерения; существительных *pluralia tantum*. Для лексем, входящих в перечисленные группы, характерно частое употребление в форме множественного числа, что затрудняет определение их родовых признаков, и, как следствие, стимулирует смешение типов склонения.

Нулевая флексия в род. мн. рекомендуется словарями для этнонимов: *абазины, башкиры, балкары, грузины, имеретины, лезгины, мадяры, осетины, румыны, сарацины, турки, хазары, цыгане*. Употребление окончания *-ов* вместо нормативного нулевого характерно для большинства приведенных лексем (кроме *абазины, балкары, имеретины, цыгане*).

Флексия *-ов* является нормативной для слов: *абхазы, адыги, айсоры, алеуты, анты, бушмены, вандалы, варяги, вогулы, гагаузы, галлы, гиляки, гольды, греки, гунны, гуцулы, казахи, калмыки, кельты, киприоты, киргизы, креолы, курды, маньчжуры, монголы, нивхи, норманны, персы, сваны, финны, эвены, эллины, эскимосы, якуты* и др. В исследуемых текстах нулевые образования в форме род. мн., не соответствующие современной литературной норме, отмечаются у небольшого числа существительных: *варяги, вогулы, маньчжуры, монголы, якуты*.

Нормативными словарями и справочниками вариативные флексии в форме род. мн. отмечаются у существительных: *авар – аваров, бурят – бурятов, карел – карелов, мегрел – мегрелов (мингрел – мингрелов), османов – осман, сармат – сарматов, туркмен – туркменов, тюрок – тюрков, уйгур – уйгуров*. По материалам НКРЯ, наибольшее число словоупотреблений зафиксировано у частотной лексемы *буряты*. Исследуемые тексты иллюстрируют доминирование нулевого образования в вариантной паре *бурят – бурятов*.

Особый интерес в указанной группе слов представляет столкновение нормативного и разговорного вариантов в рамках одного предложения: «территория, которая пропитана кровью *грузин*, где головами *грузинов* играли в футбол» (Итоговый выпуск вечерний // Новый регион 2, 2004.08.05). В таком случае разграничение словоформ (как и в группе наименований родов войск) объясняется следующим образом: нулевое окончание характерно для лексем в собирательном значении, флексия *-ов* – при обозначении отдельных лиц. В связи с этим уместно привести замечание Б.А. Успенского: «Формы на *-ов* могут окказионально выступать при конкретизации: как кажется, более естественно сказать *много тюрков*, но *много бедных тюрков*» [Успенский Б.А. Часть и целое в русской грамматике. М., 2004. С. 38].

Все существительные той же семантики на *-анин/-янин*, (как и слова *болгарин, татарин*) образуют формы множественного числа от основы, равной основе единственного числа с усечением *-ин*: *англичанин – англичане, англичан; болгарин – болгары, болгар; славянин – славяне, славян; татарин – татары, татар*.

В группе наименований лиц по принадлежности к воинским соединениям вариантные окончания характерны преимущественно для

лексем, относящихся к пассивному словарному запасу (*гардемарин – гардемаринов, гренадер – гренадеров, гусар – гусаров, драгун – драгунов, кадет – кадетов, кирасир – кирасиров, улан – уланов, янычар – янычаров*). В «Практической стилистике современного русского языка» Ю.А. Бельчиков отмечает: «когда речь идет о роде войск, т.е. соответствующее слово выступает в собирательном значении, в родительном падеже множественного числа употребляется нулевое окончание; когда же говорится об отдельных гусарах, драгунах, янычарах и т.д., необходимо окончание -ов» [Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка. М., 2009. С. 117]. Однако в художественных и публицистических текстах встречаются примеры, нарушающие данную закономерность: «"Эскадрон *гусаров*" (чемпион 1995 года),... и другие» (Клуб веселых и находчивых. 45 лет в эфире // РИА Новости, 2006.05.31); «оживают гены казаков, которые многие, не зная истории, опрометчиво принимают за гены *гусар*» (М.Н. Задорнов. Фантазии сатирика // «Октябрь», 2001).

Для активно функционирующих в современном русском языке наименований *генералы, майоры, минёры, сапёры, солдаты, партизаны* словари не отмечают вариантных флексий. За существительными *солдат, партизан* закрепилась нулевая флексия, за словами *генерал, майор, минёр, сапёр* – окончание -ов. Можно предположить, что закрепление за наименованиями *солдат, партизан* нулевого окончания связано с тем, что данные слова, как правило, употребляются в конструкциях с существительными *рота, полк, батальон, отряд, сотня* и т.п., в отличие от существительных *генерал, майор, минёр, сапёр* и др., сохраняющих значение единичности и окончание -ов. Однако в разговорной речи и газетных жанрах публицистики слова *солдат, партизан* испытывают колебания в форме род. мн., что объясняется действием закона аналогии: «Их построили вьетконговцы в годы войны с США для передвижения *партизанов*» (Вьетнамские каникулы // Комсомольская правда, 01.03.2006); «Родственники *солдатов* и призывников жалуются, что лично с вами очень трудно связаться» (Дедевщина в армии: есть ли решение проблемы // РИА Новости, 04.10.2006).

Тематическая группа наименований парных предметов выделяется как у существительных мужского, женского и среднего рода, так и у имен *pluralia tantum*. Существительным этого класса академик А.Б. Серебrenников отводил особую роль в процессе сохранения архаичной нулевой формы: «В истории русского языка некогда создавался новый тип родительного падежа множественного числа в склонении на -о-, ср. волков вместо старого вълкъ. Слова, обозначающие парные предметы, сопротивлялись этому изменению. Отсюда, например, такая аномальная форма, как сапог, чулок, глаз вместо сапогов, чулков, глазов и тому подобных. Наличие линий сопротивления приводит к тому, что сферы распространения типовых изменений оказываются неодинаковыми» [К выяснению сущности внутренних законов

развития языка // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. 5. М., 1953. С. 9].

Безальтернативная нулевая флексия в род. мн. отмечается словарями для существительных: *ботинки, брюки, валенки, кальсоны, колготки, лосины, мокасины, панталоны, плавки, погоны, рейтузы, сапоги*. Многие из приведенных существительных в XIX – начале XX вв. употреблялись в женском роде (*ботинка, валенка, кальсона, панталона, погона, рейтуза*), что могло способствовать закреплению нулевого окончания: «дошел до того перла создания, который представляет собой современная изящная *ботинка*» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке, 1881-1882); «спросил приятный мужской голос и триковая *кальсона* откатилась книзу» (М.А. Булгаков. Собачье сердце, 1925); «пышные княгинины юбки...задели слегка его стройное колено, обтянутое палевою *лосиной*» (Б.А. Садовской. Лебедные клики, 1911); «Бывало, в гимназии, зацепится у учителя *панталона* за заднее ушко штиблета, – какой смех!» (И.А. Бунин. Дневники); «Новый мундир его был весь в мелу, одна *погона* глядела в сторону» (А.П. Чехов. Капитанский мундир); «Бахтин откидывался назад... поигрывая ногой в *рейтузе* вишневого цвета» (И.А. Бунин. Деревня, 1909-1910). Случаи употребления ненормативной флексии *-ов* демонстрируют потенциальную вариантность приведенных лексем: «А сапоги я вам блестящие принесу, еще красивее ваших *ботинков*!» (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», № 8, 2001); «Скажи, как руководить в ней, если нет должностей, звездочек, *погонов*, ритуалов?» (А. Клейн. Вожжи, которые не вожжи // «Пятое измерение», 2003); «на лестнице для надежности перепрыгала его под резинку *рейтузов*» (М. Вишневецкая. Вот такой гобелен, 1999).

С окончанием *-ов* образуют род. мн. лексемы: *бермудов, ботфортов, гольфов, джинсов, лампасов, ползунков, чувяков*. На уровне разговорной речи быстро осваивают нулевую флексию заимствования XX в.: «Для большинства моделей (юбок, блузок, шорт, *бермуд*) были характерны воздушные силуэты» (Трудно быть немодным // Труд-7, 2005.11.03); «Силин достал из заднего кармана *джинс* смятый платок» (Е. Шкловский. Холодные руки, 1990-1996).

Активную вариативность в форме род. мн. проявляют существительные: *клипсы, носки, портки, шорты, боты, ласты, кеды, чувяки*. Слова той же семантики, относящиеся к женскому роду, согласно общему правилу, имеют в род. мн. нулевое окончание: *бахилы, бурки, бутсы, гетры, манжеты, пинетки, сандалеты, тапки, шпоры, штиблеты, эпoletы*. Принадлежность к определенному грамматическому роду у этих слов несколько затемнена, что вызывает родовую вариантность лексем и способствует смешению типов склонения: «Даже слышен скрип *бутсов* на траве» (Зинедин Зидан: ждите от меня сюрпризов // Труд-7, 2006.06.03); «блуза с широкими рукавами без *манжетов*» (Вы будете неотразимы! // Труд-7, 2001.11.19); «воротник мешает ему увидеть кончики собственных *штиблетов*» (М. Голованивская. Дома с совершенно гладкими стенами, 1990

- 2000); «В этом фильме столько кокард и *эполетов*» (Сериал «Война и мир» // Комсомольская правда, 2007.11.09).

Рассматриваемую тематическую группу можно считать продуктивной, количественный состав ее растет за счет пополнения новейшими заимствованиями, для которых в форме род. мн. словарями рекомендуется флексия *-ов*: *дольчики, ботильоны, кюлоты, легинсы, стринги, тайтсы, флэпсы* и др.

Согласно рекомендациям нормативных справочников существительные, обозначающие названия овощей, плодов, видов пищи, в род. мн. имеют, как правило, окончание *-ов* *абрикосов, апельсинов, артишоков, баклажанов* (и допустимое *баклажан*), *бананов, гранатов, корншионов, лимонов, мандаринов, помидоров, цукатов* и не рекомендуемые словарями разговорные варианты род. мн. *абрикос, апельсин, мандарин, помидор*. Некоторые существительные подобной семантики сохраняют родовую вариантность: *баклажан, артишок* и устаревшие формы женского рода *баклажана, артишока*; *абрикос, помидор* и просторечные родовые варианты *абрикоса, помидора*. По наблюдениям грамматистов, словоизменительные варианты в рассматриваемой семантической группе обнаруживают определенную зависимость от характера словосочетаний: варианты с нулевой флексией в разговорной речи реализуются обычно в стандартных количественно-именных сочетаниях. Случаи употребления нулевой флексии в иных синтаксических конструкциях нарушают указанную закономерность: «она сидела на диете из одних лишь *помидор* и яблок» (Модель с анорексией...// Новый регион 2, 2007.09.25); «жизни, сдобренной духом тушеных *баклажан*» (Д. Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь», 2001).

Вариантные формы представлены у большинства названий единиц измерения: *амперов, аршинов, байтов, битов, вольтов, каратов, кулонов* и в количественном значении *ампер, аршин, байт, бит, вольт, карат, кулон* и т.д. В литературный язык XX в. нулевая форма род. мн. проникла из профессиональной речи. В данной группе слов нулевая флексия утверждается наиболее последовательно. С развитием науки и техники за последние десятилетия появилось множество новых единиц измерения, которые принимают нулевую форму по аналогии с предшествующими техническими единицами измерений. Широкое распространение получили единицы измерения, относящиеся к компьютерной терминологии (*байт, бит* и производные от них *килобайт, мегабайт, терабайт*): «поддержка форматов данных с разными порядками следования *байт*» (Н. Дубова. Рождение PowerPC // «Computerworld», 2004.07.09).

Отсутствие форм единственного числа (и, следовательно, невозможность определить тип склонения) закономерно порождает вариантность в род. мн. у слов группы pluralia tantum и существительных, употребляющихся преимущественно во множественном числе. Важным источником формирования группы *pluralia tantum* как в современном, так и в

древнерусском языке большинство исследователей называют лексикализацию формы множественного числа, закрепившую одно из значений полисемантического имени.

В современном русском языке варианты флексии в форме род. мн. отмечаются словарями в следующих случаях: *сот – сотов, будней* и допустимое *буден, коррективов* и не рекомендуемое словарями *корректив, а* также у слов определенной словообразовательной структуры *выжимок – выжимков, выпарок – выпарков, высевок – высеков, вытопок – вытопков, вычесок – выческов, очёсок – очёсков.*

Безальтернативная нулевая флексия рекомендуется словарями для слов: *брызг, бубен* (карточная масть), *буф, горелок* (игра), *дрог, дрожжек, дряг, жмурок, задворок, запяток, именин, каникул, крестины, кусачек, лат, мириад, нар, ножниц, палат, потемок, похорон, пряток, пятнашек, салазок, смотрин, сумерек, суток, тref, хором, шахмат.* Особую роль в закреплении нулевой флексии сыграли следующие факторы: наличие родового параллелизма у некоторых слов (*брызг / брызга*), а также утрата формы единственного числа женского рода (*буфа*).

Доминирующей нулевая флексия является и для существительных, к числу которых можно отнести отглагольные образования с суффиксом *-к-*, характеризующиеся достаточно низкой частотностью в современном русском языке. Вариантность слов *pluralia tantum* может быть связана со словообразовательной структурой имен типа *выварки, выгарки, выжимки, выпарки, высевки, вытопки, вычески.*

С окончанием *-ей* образуют форму род. мн. существительные с основой на мягкий согласный: *дровней, козней, полатей, пошевней, розвальней, саней, сеней, стапелей, сходней.* Для данных существительных вариантность не отмечается ни на уровне языка, ни на уровне речи, что, с одной стороны, объясняется фонетическими причинами (односложность, стечение согласных на конце основы), с другой стороны – малой употребительностью лексем.

Форма род. мн. существительных женского рода с основой на мягкий согласный или шипящий уже достаточно стабильна по сравнению с языком XVIII – XIX вв. Вариантные флексии *-ей/∅* в форме род. мн. в современном русском языке характерны для существительных, сохраняющих на уровне разговорной речи вариантность им. ед. (*простыня / простынь, туфля / туфель*). Достаточно быстрая стабилизация формы род. мн. у существительных женского рода связана с тем, что данные лексемы четко маркированы в отношении рода и в меньшей степени употребляются во множественном числе, в отличие от названий национальностей, единиц измерения и т.д. Противопоставление вариантов форм род. мн. у существительных женского рода, как правило, характеризуется как нормативное – устаревшее. Так, тексты СМИ фиксируют конкуренцию устаревшего варианта *свеч* и нормативной словоформы *свечей*: «Постников задел горящую свечу, хотя он утверждает, что *свеч* не было рядом» (Святой

Пантелеимон послал знак детскому писателю? // Комсомольская правда, 23.11.2004); «В этот момент на сцене зажглось множество *свечей*, что напомнило некий ритуал» («Голубоглазый соул» добрался до Кремля // Известия, 24.12.2007).

У значительного количества существительных словоформа род. мн. отсутствует или затруднена. Малоупотребительны рассматриваемые формы от существительных: *питье, помело, ярмо*. Несвободно употребляется род. мн. от слов: *госпожа, кабарга, кайма, карга, киста, клюка, чадра, корма, кочерга, пустельга, хвала, чалма*. Не образуют форм род. мн. существительные: *ага, башка, бразды, дуда, мгла, мзда, тьма* (в значении мрак), *кисá, мечта, мольба, похвальба, казна, тоска, темя, сума, фата, хула, чета, чудо-юдо, юла, копьецо, пальтецо, письмецо, ружьецо*, а также существительные со значением лица *баба-яга, балда, брюзга, егоза, зуда, раба, тамада, кума*.

Затруднения, связанные с образованием род. мн. существительных с исходными формами на *-а* и *-о* с неподвижным ударением на флексии, объясняются недостаточным автоматизмом, «с каким происходит в языке сдвиг ударения влево (а также переход его с флексии на беглую гласную)» [Орфоэпический словарь русского языка. М., 1988. С. 688]. Среди причин, вызывающих затруднения в образовании формы род. мн., следует также отметить стечение согласных на конце основы (*карга, чадра, бразды, мгла, мзда, мечта, балда, брюзга* и под.). В некоторых случаях форма род. мн. омонимична им. ед. существительного мужского рода: *корма* – сухой корм, *зуда* – сильный зуд, *раба* – беглый раб, *кума* – дорогой кум.

Такие существительные, как *башка, кайма, тахта, хурма, чалма* и т.п., являются заимствованиями из тюркских языков. Хотя они давно вошли в состав русского языка, однако последовательно не вовлекаются в систему русского словоизменения.

Таким образом, невозможность или ограничения образования формы род. мн. для данных слов могут быть объяснены малой употребительностью, стилистическими, фонетическими и семантическими причинами. В публицистических и художественных текстах можно отметить потенциальные формы род. мн. от подобных существительных: «Пожилая женщина, не выдержав *мольб* внучки, дала-таки ей стакан воды» (Вставай, сынок, - война! // Труд-7, 2005.04.08); «Как замечались и жмурились от своих *мечт*...» (Ющенко уволил 18.000 чиновников // Комсомольская правда, 2005.04.29).

В третьей главе «Вариантность родительного падежа множественного числа существительных определенной словообразовательной структуры» рассматривается образование форм род. мн. у существительных на *-це* и *-ье*, приводятся некоторые замечания, касающиеся образования род. мн. у слов на *-ко*.

Существительные среднего рода на *-це*, *-ко*, принадлежащие преимущественно категории субъективно-оценочных образований, вопреки

общей тенденции, так или иначе допускают образование формы род. мн. с флексией *-ов*: существительные на *-це, -цо* (типа *болотце, одеяльце, деревце – деревцо*); существительные на *-ко, -ико* (типа *брюшко, колёсико, личико, озерко, облако, плечико*).

Затруднения в образовании форм род. мн. вызывают существительные среднего рода на *-це (-ице)*. Согласно общему правилу подобные слова имеют в род. мн. нулевое окончание: *блюдец, зеркалац, мылец, покрывалец, полотенец, желаньци, платьци, растеньци, сердец, солнц* (но *болотцев*). Значительная часть производных существительных на *-це* испытывает колебания при образовании род. мн.: *ведёрцев* и *ведёрец, веретёнцев* и *веретёнец, волоконцев* и *волоконец, дельцев* и *делец, деревцов* и *деревец, долотцев* и *долотец, донцев* и *донец* и др. Активную конкуренцию вариантов подтверждает употребление двух словоформ в одном тексте: «Обычно у них восемь *щупальцев*» – «двести пятьдесят присосок, расположенных на внутренней стороне *щупалец*» (Монстры поднимаются из глубин // Труд-7, 2003.09.25). Исключительность данных образований определяется их принадлежностью категории субъективной оценки, в сфере которой они оказывались сближенными с существительными мужского рода, что способствовало распространению флексии *-ев* при образовании род. мн. для данных существительных.

Форма род. мн. существительных среднего рода на *-ье* в современном русском языке стабилизировалась по сравнению с языком XIX века. Многие из подобных слов в литературе XIX века употреблялись и с нулевым окончанием, и с окончанием *-ев*: *желаньев, кушаньев, ожерельев, путешествивев, сраженьев* и т.п. В современном русском языке большая часть существительных на *-ье* в им. ед. образует род. мн. с нулевой флексией (*варенье > варений, захоlustье > захолустий, придорожье > придорожий, снадобье > снадобий, угодые > угодий, ущелье > ущелий*).

Вариантность в форме род. мн. (*-ев / -Ø*) отмечается словарями у существительных: *верховьев – верховой, вспольев – всполий, подпольев – подполий, разводьев – разводий, низовьев – низовой*. Флексия *-ев* в форме род. мн. закрепилась у существительных среднего рода на *-ье*, сохраняющих в той или иной степени соотносительность с собирательными именами (*платье, устье* и др.).

Группу существительных, не имеющих словоформ кроме род. мн., составляют только две лексемы – *дровец* и *щец*. В современном русском языке существительные *дровец* и *щец* употребляются в паритивном значении (часть по отношению к целому). Современные словари не отмечают, существовала ли для данных существительных уменьшительная форма именительного падежа множественного числа. В словарных статьях приводятся лишь пометы «разг.», «ласк.», «умен.-ласк.», «нет других форм». По свидетельству П.Я. Черных, в «Словаре церковнославянского и русского языка» (составленном Вторым отделением Имп. АН. СПб, 1847 г.) отмечается заглавное *щѣцы*, но с примером «Дайте мне щец». Можно предположить, что

существительные *дровец* и *щец* имели полную парадигму множественного числа в уменьшительной форме, однако в языке закрепились только наиболее употребительная партитивная форма. Семантика приведенных слов вступает в противоречие со словообразовательным значением единичности, выражаемым суффиксом *-ец*. К тому же и фонетический облик слов препятствует образованию полной парадигмы.

В **Заключении** формулируются основные результаты исследования.

1. В лингвистической литературе описание вариантных форм род. мн. не имеет, к сожалению, системного характера. Наиболее полно описание форм род. мн. может быть представлено лишь с учетом функционального и диахронического подходов к анализу языковых фактов. На фоне сложившегося субстантивного словоизменения именно форма род. мн. до сих пор не стабилизировалась, поскольку на ее основе представлено активное взаимодействие отдельных форм, относящихся к разным типам склонения.

2. В работе определены лексико-семантические, структурные, морфологические и морфонологические признаки имен существительных, характеризующихся наличием нестандартных или вариантных форм родительного падежа множественного числа. В современном русском языке вариантные и нестандартные окончания (*-Ø* и *-ов*, *-Ø* и *-ей*) в формах род. мн. характерны для существительных определенной семантики, словообразовательной структуры и особого фонетического облика: это имена мужского рода с основой на твердый согласный, связанные со значением парности или множества, а также слова *pluralia tantum*; существительные среднего рода определенной словообразовательной структуры (оканчивающиеся в именительном единственном на *-ье* или *-це*), а также существительные женского рода с основой на мягкий согласный или шипящий.

3. Рассмотрены основные направления лексико-грамматического взаимодействия отдельных лексем, к числу которых необходимо отнести: названия парных предметов, единиц измерения и т.д., наиболее ярко демонстрирующих вариативность род. мн.

4. Определены стилистические особенности вариантных форм родительного падежа множественного числа существительных в разножанровых текстах. В художественных, публицистических произведениях и газетных публикациях границы вариантности форм род. мн. значительно шире варьирования, отмеченного словарями. Особенно плодотворно авторы исследуемых текстов используют архаичные, ненормативные (просторечные, диалектные) и потенциальные грамматические формы, не соответствующие современной языковой норме. Они отличаются определенной стилистической окраской, являются результатом семантической трансформации и нуждаются в особом комментировании.

5. Большое внимание уделено определению характера индивидуальных особенностей функционирования исследуемой формы. Флективный

параллелизм в род. мн. характерен прежде всего для существительных, сохраняющих двоякую родовую соотнесенность.

6. Среди экстралингвистических факторов, влияющих на употребление вариантных форм родительного падежа множественного числа существительных, необходимо отметить следующие: новизна и малая употребительность слова, существование термина в рамках узкого профессионального коллектива и др.

Таким образом, род. мн. представляет особую форму, выделенную на фоне всей парадигмы существительных разных типов склонения. Образование род. мн. характеризуется вариативностью и стилистической неоднозначностью, фонетическими и морфологическими особенностями, а также тесной связью с семантикой лексем, относящихся к той или иной лексико-тематической группе.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1) Панькова Е.С. Взаимодействие лексики и грамматики в формах родительного падежа множественного числа // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуман. науки. – Казань, 2010. – Том. 152, Кн. 2. – С. 194-200.

2) Панькова Е.С. Грамматическая синонимия именных форм в родительном падеже множественного числа // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2010. – №4(2). – С. 661-664.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

3) Конева Е.С. Функциональные особенности вариативных форм родительного падежа множественного числа // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной научной конференции, г. Казань, 20-22 мая 2008 г.: в 2 ч./ Казан. гос. ун-т, филол. фак-т; отв. ред. Э.А. Балалыкина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Ч. 2 – С. 90-92.

4) Конева Е.С. Функционирование вариативных форм родительного падежа множественного числа в современном русском языке // IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25 – 28 сентября 2009 г.) : труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – Т. 2. – С.42-44.

5) Панькова Е.С. Грамматические трудности при образовании форм родительного падежа множественного числа // «Филология и образование: современные концепции и технологии»: Материалы Международной научной конференции (Казань, 3-5 июня 2010 г.): Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – С. 336-340.

6) Панькова Е.С. Вариантность форм родительного падежа множественного числа существительных в языке СМИ // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы Международной научной конференции (29 сентября – 1 октября). – Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Ибрагимова АН РТ, 2010, – С. 306-309.

7) Панькова Е.С. Особенности употребления форм родительного падежа множественного числа в художественном тексте // Русская и сопоставительная филология'2010. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – С. 129-133.

8) Панькова Е.С. Статус вариантных форм родительного падежа множественного числа в системе субстантивного склонения // Филология и образование: современные концепции и технологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (14 - 15 февраля 2011 года). Часть 3. / Под ред. Н.Н. Фаттаховой. – Казань, ТГГПУ, 2011. – С. 28-31.

Отпечатано в типографии
«Деловая полиграфия»
420111, г. Казань, ул.М. Межлаука, 6
т/ф (843) 292-08-43
e-mail: minitipografia@list.ru

Подписано в печать 22.03.2012 г.
Бумага офсетная Тираж 100 экз.
Заказ № 43/2012

